

18+

Татьяна Чебатуркина

Дожить до рассвета

Татьяна Чебатуркина
Дожить до рассвета

«Издательские решения»

Чебатуркина Т.

Дожить до рассвета / Т. Чебатуркина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512506-4

Все преходящее в этом мире. Забываются великие люди и исторические события, большие неприятности и мелкие обиды. И только, пока жив человек, вечно цветет в сердце память о тех волшебных, благословенных минутах исполненного счастья в объятиях любимой или любимого. Только этой мерой отпущенного тебе свыше дара каждый может измерить истинную ценность своего существования. И приходит понимание того, на что и ради чего променяли первые люди на Земле — Адам и Ева — вечную жизнь.

ISBN 978-5-00-512506-4

© Чебатуркина Т.
© Издательские решения

Содержание

ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА	6
Аннотация	6
Предисловие. Незнакомка	7
Глава 1. Полет	9
Глава 2. Притяжение	13
Глава 3. Решительность	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дожить до рассвета

Татьяна Чебатуркина

Редактор Ольга Ананьева

Дизайнер обложки Наталья Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2020

© Наталья Ананьева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-2506-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА

ПОВЕСТЬ

Аннотация

Все преходящее в этом мире. Забываются великие люди и исторические события, большие неприятности и мелкие обиды, невероятные нагрузки и скучные месяцы. И только, пока жив человек, вечно цветет даже в уставшем от постоянных забот, прочном сердце память о тех волшебных, благословенных минутах исполненного счастья в объятиях любимой или любимого. Только этой мерой отпущенного тебе свыше дара каждый может измерить истинную ценность своего существования. И приходит понимание того, на что и ради чего променяли первые люди на Земле – Адам и Ева – вечную жизнь.

Предисловие. Незнакомка

Сентябрьский денек разгулявшегося бабьего лета изо всех сил пыжился уже под вечер удержать нежаркое солнце на небосклоне, но оно, разливаясь в вышине необыкновенным золотисто-пурпурным покрывалом, обещало на завтра ветренное утро.

Пассажиры белоснежного круизного красавца – теплохода явно перевешивали левый край, толпясь на всех палубах, чтобы увидеть надвигающуюся панораму гигантского железно-дорожного моста через Волгу.

А город уже строился на высоченных кручах обрывистого берега, являя собой полную анархическую изнанку окраин: неразбериху жилищных построек, крупных промышленных предприятий, массивных железобетонных конструкций, мелькающих машин на обрывках автострад, новых высоток.

Волны пенились за кормой, притягивая взгляды изумрудной чернотой сопротивляющейся многометровой толщи воды рукотворного водохранилища, которую с неким напрягом преодолевал теплоход.

Правый же берег разбежался и прятался в зелени огромных деревьев и кустарников, разросшихся на многочисленных островах, которые караулили одинокие моторные лодки заядлых рыбаков.

А впереди уже явно высвечивалось кружево второго гигантского автомобильного моста, связавшего города Саратов и Энгельс

И в этой оживленной, разбавленной суматохе радостного ожидания встречи с родным городом после недельного отсутствия за время круиза до Астрахани и Волгограда раздавшийся внезапно крик: «Человек за бортом!» – был настолько чужим и нереальным, что многие пассажиры лишь в недоумении повертели головами, стараясь понять, кому в голову пришла такая несуразная шутка.

Громада теплохода, подчиняясь немедленной команде капитана, еще несколько минут по инерции поборолась со встречным течением, а потом уступила, остановившись посередине безбрежного простора могучей реки.

В воду полетели спасательные круги. Трое мужчин, не раздеваясь, «бомбочкой» рванулись с нижней палубы вслед уплывающему вниз по течению яркому пятну красной курточки упавшей за борт женщины. Какая-то перекрашенная блондинка преклонного возраста так истошно закричала: «Утонула!», что все сразу очнулись от невольного оцепенения, загалдели, суматошно начали перемещаться вдоль бортов, что-то спрашивая друг у друга, чтобы только освободиться от невольного ужаса случившегося.

Команда теплохода сработала слаженно. Потерпевшую с помощью лебедки подняли на борт. Она от испуга успела нахлебаться воды, но ее быстренько привели в чувство, вежливо потеснив самых любопытных с кормы.

Молодая женщина лежала на узкой односпальной кровати в свободной каюте медпункта, закрыв глаза. Сумочка с ее документами утонула. Судовой доктор, миловидная шатенка с роскошным маникюром, в бежевом стильном платье под коротеньким халатиком терпеливо дожидалась, когда ее невольная пациентка, наконец-то, заговорит, но та упорно молчала.

Помощник капитана успел составить примерную картину происшествия со слов очевидцев: когда большая часть пассажиров любовалась наплывающими картинами вознесшихся многоэтажек, привычным видом благоустроенной набережной, знакомыми кварталами улицы Чернышевского, вдруг эта молодая женщина, придвинув кресло к самому борту, взобралась на него и решительно прыгнула в воду, стараясь не попасть под винт. От кого она хотела убежать? Что так ее напугало уже в самом конце путешествия? Или это была попытка самоубийства? Что и кому она хотела доказать своим отчаянным поступком?

Когда женщину привели в чувство, первыми ее словами были:
«Только бы дожить до рассвета!»

Глава 1. Полет

*Отходи в сторону, когда с горы катится большое колесо, а то оно сломает тебе шею.
Но хватайся за него, если оно поднимается в гору.*

«Король Лир», У. Шекспир

У каждого мужчины где-то на свете есть женщина, созданная только для него. Она не лучше других, но она единственная, кто ему по-настоящему нужен. Это тайна, у которой нет объяснения....

(Автор неизвестен).

Юля вышла из охлажденного полумрака зрительного зала огромного кинотеатра и сразу вспотела в обжигающем знойном июльском суховее, прилетевшем из далеких азиатских пустынь.

«Два часа драила полы перед началом утреннего сеанса, и ничего! А сейчас только одно желание – нырнуть под душ или, как нереальная мечта, поплавать в родной сельской речушке, а потом валяться, не замечая времени, на грязном песке под бешеным солнцем».

Отъезд домой на каникулы пришлось отложить – никто из техничек кинотеатра не хотел работать летом, все просились в отпуска.

Юля сначала стеснялась такой непривлекательной работы. Как же, студентка Саратовского социально-экономического института имени Г. В. Плеханова, золотая медалистка, не зажимается на последних рядах с настойчивым ухажером, а таскает тяжелые ведра с водой и несуразную швабру. Но за полгода привыкла к моторной гимнастике, перестала комплексовать, радуясь совершенно искренне заработанным рублям, тем более что бабуля, у которой снимала комнату в половинке дореволюционной хибары, уехала к дочери в Москву нянчить внука и уговорила Юлю покараулить квартиру, скинув половину месячной платы.

Прошла неторопливо по переполненному гуляющими людьми проспекту Кирова, который стал пешеходным в одно время с Московским Арбатом в 1985 году. Купила пачку мороженого, встала в тени старого дерева недалеко от металлической фигуры влюбленного с цветами под металлическими часами, наслаждаясь ванильной прелестью замороженных сливок, глубоко вздохнула. За первый год учебы никакого пылкого романа не случилось. Одноклассники растерялись по разным городам, куда занесла каждого судьба с полученными успешными баллами ЕГЭ. В студенческой группе с явным перевесом девушек все были заняты своими проблемами. Пока училась, одиночество так ощутимо не наступало. Или просто сейчас сердце занято от тоски по дому. Захотелось на простор от скученной зажатости старинных зданий, мелькающих машин, спешащих прохожих. На маршрутке отправилась на Соколову гору.

Соколова гора – самая высокая точка Саратова – расположена в его северо-восточной части недалеко от центра. Эта гора в свое время дала название самому городу. Как известно, в древности ее называли «Сары тау», что в переводе с татарского означает «Желтая гора». Впоследствии это название несколько адаптировалось к русскому языку для удобства произношения, так появилось слово Саратов.

В 1975 году, задолго до рождения самой Юлии, на Соколовой горе был заложен Парк Победы, а в 1982 году на вершине горы был установлен памятник, получивший название «Журавли».

Увлеченная энтузиастка и отчаянная мечтательница, учительница истории и классный руководитель Юлиного класса каждое лето уговаривала родителей отпустить детей, начиная с пятого класса, в увлекательные путешествия по родному краю. Так, они побывали на экскурсии в городе-герое Волгограде, на месте приземления Юрия Гагарина, на забытом соляном озере Эльтон, в Санкт-Петербурге, и, конечно же, в Саратове. И после окончания средней школы выбор Юли был однозначный – учеба только в городе своей мечты.

Размахивая пластиковым пакетом, она, не останавливаясь, процокала каблучками по ухоженным дорожкам мимо знакомых экспонатов музея боевой техники под открытым небом. В нем были собраны более ста восьмидесяти экземпляров, начиная от штурмового истребителя, бронепоезда с зенитками военных лет до современных самолетов и Национальной деревни – этнографического комплекса с тремя улицами и пятнадцатью подворьями.

Позже, вспоминая этот жаркий день, Юля очень четко осознавала какое-то внутренне напряженное стремление выскочить из суеты полуденного города на распахнувшийся простор воздуха и близкого неба и обязательно с видом на безбрежную водяную гладь.

Она стремительно взлетела по окаймленной светлым парапетом лестнице на окружность смотровой площадки, над которой буквально парили светлые пилоны с серебристым клином летящих журавлей и золотой звездой в центре.

Воздвигнутый на высоте 160 метров над уровнем моря на рукотворном зеленом холме мемориальный комплекс был виден практически из многих точек Саратова и Энгельса и с двадцатикилометрового расстояния вверх и вниз по Волге. Панорама многомиллионного города с редкими силуэтами роскошных православных храмов, с их позолоченными куполами в обильной зелени вековых деревьев и старинных парков, сбегаящие с возвышенности к Волге заметные проспекты, причудливые коробки многоэтажных домов – вся эта почти картинная неповторимость известного областного центра восхищала и настраивала на самый торжественный лад.

Но долго раствориться во внутреннем ликовании Юле не пришлось. Рядом, облокотившись на парапет, буквально в двух шагах от нее застыла спортивная фигура незнакомого молодого человека. Юля вздрогнула. Там, внизу, у реактивных самолетов и военных катеров переговаривались девчонки и мальчишки какой-то экскурсионной группы. Пестрые построики в национальной деревне рассматривали туристы с круизного теплохода, но лестница, по которой она поднялась на вершину комплекса, была в такую жару абсолютно пуста.

«Откуда мог взяться так внезапно этот парень на открытой площадке? Не свалился же, в самом деле, с сорокаметрового пилон, оторвавшись от какого-нибудь журавля...», – удивление ее прервал приятный низкий голос незнакомца:

– Интересно, за сколько секунд ты стометровку сдаешь? Летела, как будто за тобой черти гнались! Ты, наверное, на художника учишься? Или с мамой и папой поругалась? Ничего, помирись! Здесь всегда такое необыкновенное чувство внутренней свободы испытываешь, словно на исповеди в церкви перед батюшкой.

Юля настороженно молчала: «Мало ли придурков по городу шатается? Вот и этот забрел сюда, повыше. Что у него на уме, Бог один знает, если за мной припустил? Вот будет сцена, если приставать начнет, и придется отбиваться пакетом с кроссовками для мытья полов!»

Внизу, у основания лестницы появилась группа экскурсантов, и Юля тотчас же успокоилась: «Хоть бы этот чудик испарился! Могла бы еще минут пятнадцать насладиться покоем этих непередаваемых словами картин живописного обзора города с высоты, хотя и не художница вовсе».

– Давай знакомиться! Меня зовут Роман. Я только месяц, как вернулся из Германии после учебы. Тебя не оскорбило, что я с незнакомой девушкой сразу на «ты» заговорил? Пять лет на чужбине, чужой язык – какое-то странное чувство, словно заблудился в родном городе. Как тебя зовут?

Пестрая группа экскурсантов самого разного возраста в кепках, летних платьях, бриджах, пляжных шляпах неторопливо поднималась, внимая гиду, и через несколько минут вся эта толпа разгоряченных на солнце людей заполнит смотровую площадку.

– Меня зовут Юлия. Пока!

– Можно я сниму тебя на телефон на фоне городской панорамы? Ты очень красивая! А потом сброшу фото на твой телефон! Становись вот здесь скорее, а то тетеньки через секунды закроют собой весь горизонт.

И Юля послушалась. Сколько раз здесь уже бывала, а все групповые фотки были только на лестнице, без вида города. И, когда парень прицелился на нее своим телефоном, она, наконец-то, успела его разглядеть.

Темноволосый, высокий, с приличным охватом накаченных плеч он был явно старше Юли лет на пять, но, в первую очередь, ее поразили глаза Романа. Желтовато-карие они излучали такое внимание и интерес, когда, прищурившись, он смотрел на нее, что она невольно смутилась: «Словно раздевает глазами! И вообще слишком решительный! И из его рук точно сразу не вырвешься, если вдруг схватит в объятия. Нахальный городской балбес, возможно, привык к быстрым победам! Сейчас предложит посидеть в кафе, потом будет навязываться проводить до дома, а в троллейбусе будет стараться прижаться поближе, чтобы передать свое возникшее возбуждение и желание. Это за год проживания в городе мы уже проходили».

Юля ненавидела пристающих парней, когда липкое чувство брезгливости охватывало все тело из-за неприятного, смешанного запаха незнакомой туалетной воды и пота, ощутимо бивших в нос, от прикосновений чужой руки, настойчиво ощупывающей талию, чтобы потом нетерпеливо прилипнуть к высокой девичьей груди.

Что-то властное проступало в чертах загорелого лица, в решительных поперечных неожиданных морщинах высокого лба, когда Роман хмурился, в тонких ноздрях несколько длинноватого носа, даже в полоске улыбающихся губ.

– Пошли в кино, под прохладу кондиционеров! Лучший вариант – это, конечно, на пляже позагорать, но ты вряд ли согласишься. Точно? – парень шагнул к Юле. – Диктуй номер своего телефона, фотки сброшу.

Экскурсанты остановились у плиты с крупными цифрами «1945», обмахиваясь газетками и журналами, в нетерпении внимая словам миловидной женщины в довольно открытом легком летнем платье и роскошной сиреневой, с большими полями спасительной шляпе.

Юля рассмеялась:

– Ты что, внезапно разбогател, студент? Знаешь, сколько сейчас скромный билетик в торгово-развлекательном центре в кинотеатр стоит? Здорово придумал, чтобы мой телефон узнать! Ладно, раз мы на таком солнцепеке с тобой здесь случайно встретились, сбрасывай фотки!

– А если мы с тобой вместе увековечим наше знакомство на память потомкам? – Роман протянул свой телефон оторвавшейся от основной группы паре молодых людей, которые с восторгом от увиденного пейзажа радостно защебетали возле Юли. – Сфотографируйте нас, пожалуйста, а то мы сейчас растечемся воском на плитах от безумного солнца.

И Роман решительно притянул Юлю к себе. Так они и получились на фото: опешившая от неожиданности, с полуоткрытым ртом Юля едва достает своей головой до плеча улыбающегося верзилы, который крепко держит ее за локоть.

– Кто-то слишком осмелел! – Юля решительно устремилась с холма, но Роман опередил ее на лестнице, преградив путь. – Что ты еще придумал?

– Юля, я – не праздный бездельник, работаю программистом в учебном центре. У меня сегодня выходной. Ты мне сразу понравилась там, внизу у входа. Предлагаю продолжить наше знакомство. Почему ты не хочешь пойти в кино?

Юля опять невольно рассмеялась:

– Потому, что я могу посмотреть любой новый фильм в первый же день проката.

– Ты – дочка директора кинотеатра?

– Нет, я работаю уборщицей в самом крупном кинотеатре Саратова, и мне уже пора на смену. Ну, как, облом получился? Пока, программист!

Но Роман был настойчив:

– Значит, так: я помогу тебе в уборке, а потом мы посидим с тобой в Липках, кофе выпьем, я тебя мороженым буду угощать, и ты расскажешь о себе еще что-нибудь интересное. Забавная ты! И не пытайся от меня скрыться! Я тоже стометровки неплохо бегаю, Юлия! Красивое у тебя имя! И ты сама – какая-то солнечная! Мне просто повезло, что я с тобой в этом парке встретился! Пошли, кинолюбительница!

И Юля сдалась.

Глава 2. Притяжение

В большом зале закончился какой-то несуразный затертый боевик. Юля привычно начала собирать в большой черный пластиковый пакет стаканы, бутылки из-под газированной воды, обертки от шоколадок. «Поросят» на дневном сеансе оказалось предостаточно, и, автоматически, проходя между рядами, Юля отключилась от присутствия постороннего человека в зале.

«Хорошо, что хотя бы семечками не заплевали все полы, а то за полчаса этот гектар не успеешь вылизать», – она энергично терла шваброй линолеум, пока не остановилась у крайнего кресла на центральном проходе:

– Ой, Роман, извини, пожалуйста, я про тебя совсем забыла! Тут, как роботу, не до эмоций. Через две минуты людей начнут запускать. Иди домой! А мне после этой мясорубки нужно в душ! Ты меня понял, Роман? Прогулка на сегодня отменяется!

Роман, поднявшись со своего кресла, стоял так близко, что Юля испуганно отпрянула – вдруг воспользуется своим преимуществом в росте и силе и зажмет в объятии ее сейчас, такую потную и растрепанную. Но Роман выхватил у нее из рук и швабру, и специальное ведро:

– А можно маленькую правку: не отменяется, а переносится на вечер. Ты сможешь до восьми часов вечера освободиться? Я тебя буду ждать у памятника Чернышевскому ровно в двадцать часов. Юля, поверь, я тобой заразился, как в детстве ветрянкой. Был живой – здоровый, бегал, прыгал, и вдруг кто-то дыхнул на тебя – и все. Наутро весь в зеленке, пятнистый и больной. Мне с тобой интересно общаться. И хочется узнать тебя получше. Придешь? Точно? Я все равно узнаю, где ты живешь, в бухгалтерии или у директора центра. Обещаю: приставать не буду. Мы ведь с тобой не случайно встретились сегодня. Все в мире взаимосвязано. И, как только ты это поймешь, сама мне об этом скажешь. Я тебя буду ждать в восемь вечера.

Это было как наваждение. Словно заколдовали словами, взглядами. Ведь в полном осознании, в здравом уме уже сотый раз говорила себе: «Я никуда не пойду! Полный идиотизм, как собачке, бежать на свисток чужого человека, который может сделать с тобой самое худшее: избить, изнасиловать, наконец, просто зверски убить, если ему нужна жертва, которая сама нарывается на беду и не может сказать резко и решительно: «А не пошел бы ты подальше!» Здесь не село, где ты многих знаешь, и где только самая последняя сволочь рискнет кого-нибудь обидеть. Знает, что потом долго здесь не проживешь. Всего оплюют и наградят таким презрением, что останется только возможность укрыться на заработках за тридевять земель. А здесь, в большом городе – полное безразличие друг к другу. Попробуй на улице кому-нибудь с открытой, лучезарной улыбкой сказать: «Доброе утро!». В лучшем случае посмотрят, как на умалишенную, и так отскочат в испуге, словно ты ему или ей пожелала какую-нибудь напасть. И два раза потом обернутся на бегу, чтобы стряхнуть наваждение. Или будут гадать до вечера: «Откуда эта ненормальная меня знает?»

Поперечный характер сказался и тут. Ругала, ругала себя последними словами, а в восемь вечера притопала на встречу.

Роман был неподражаем. Затянутый в облегающие фирменные джинсы, в нарядной белой рубашке с короткими рукавами, мокрым чубом модной стрижки он без слов преподнес пять ярко-алых роз без всякой упаковки. И Юля молчала почти час, потому что Роман оказался таким красноречивым, что ей оставалось только внимать его интересному рассказу, словно он сдавал экзамен на звание экскурсовода краеведческого музея. Оказывается, в 1815 году в честь победы над Наполеоном в Саратове был заложен величественный кафедральный Александро-Невский храм с колокольней, а прилегающую площадь называли Соборной. Но в тридцатые годы они были варварски разрушены, а на их месте построен стадион «Динамо».

Осталась лишь маленькая церковь – часовня «Утоли мои печали», 1906 года постройки, и только потому, что в советское время в здании был планетарий.

Площадь Чернышевского входит теперь в Соборную площадь. И памятник великому писателю и революционеру Чернышевскому в 1918 году был установлен на тот же постамент вместо снесенного памятника царю – освободителю от крепостного права Александру II.

И визитная карточка города на Волге – сад Липки – из одной тысячи восьмидесяти лип был посажен рядом с Александро-Невским кафедральным собором в 1824 году на Соборной площади.

Это было нереальное состояние, словно у Юли отключилось обычное сознание, и ее душа витала теперь в пространстве над городом, созерцая и наблюдая, как шествует подчиненное ей тело с шикарным букетом по медленно остывающим от дневного пекла центральным улицам, подчиняясь негласным командам чужого мужчины.

Да, она словно потерялась в уверенном голосе своего спутника, погружаясь и растворяясь в множестве интереснейших исторических фактов, вдруг осознав, что Роман с каждой минутой, проведенной вместе, становится ближе и интереснее, что ей уже нравится, когда он придерживает ее за локоть на пешеходном переходе, когда спрашивает, согласна ли она продолжить прогулку.

Его манера размахивать руками, когда увлекался, и, чтобы привлечь Юлино внимание к какому-то объекту своего рассказа, вдруг останавливался на проезжей части дороги, и ей приходилось, смеясь, выталкивать Романа на тротуар прямо из-под рвущихся после светофора машин.

Роман так небрежно ладонью зачесывал назад неуправляемый темный чуб, что Юле вдруг захотелось достать из сумочки расческу и в тенистом скверике попытаться привести его волнистые волосы в порядок.

Они прошли несколько километров, спустились к набережной, явно ощущая прохладу от стремительного течения могучей Волги. И она растерялась в тот момент, когда под вспыхнувшими в наступившем ночном полумраке нарядными фонарями набережной, Роман вдруг притянул ее к себе со словами: «Юлечка, прости болтуна, но я больше не могу!» – и начал целовать волосы, щеки, лоб и, наконец, нашел губы.

Эта неожиданная, прорвавшаяся сквозь обойму монолога низкого голоса чувственность опьянила обоих, и Юля отдалась этому притягательному сильному телу, требовательным губам, обхватила Романа за шею обеими руками и прижалась доверчиво своей грудью к его белой рубашке.

Рядом на лавочке громко заржали какие-то подростки с гитарами, и Юля очнулась.

– Роман! Мы с тобой от жары свихнулись! Проводи меня домой, пожалуйста! – он уперлась кулачками в теплую грудь. – Ты меня усыпил своим голосом.

Юля наклонилась и подняла уже привядшие розы, которые уронила на плитки набережной.

– Юлечка, давай с тобой никогда не расставаться! Поедем завтра, в воскресенье на городской пляж! Позагораем, поплаваем...

– Нет! – почти выкрикнула Юля.

– Почему? – хрипло выдохнул Роман. – Ты прекрасно сложена! Я хочу увидеть твоё тело!

– Вот потому и «нет»! Мы знакомы с тобой меньше суток, а ты уже готов меня на лавочке в парке разложить. Мы с тобой сегодня точно перегрелись на солнце!

– Ты что, на меня обиделась? Не хочешь на пляж, давай я тебя завтра со своими родителями познакомлю. Посмотришь, как мы живем. И убедишься, что у меня самые серьезные намерения.

Юля молча направилась к зданию речного вокзала на остановку маршрутки. Роман попытался взять девушку за руку, но Юля держалась чересчур независимо.

У скрипучей калитки, за которой прятались в тени разросшихся тополей нагромождения старинных кирпичных домовладений десятка полтора местных хозяев, Роман властно притя-

нул девушку к себе. И опять она захлебнулась внезапно возникшим желанием потянуть мужчину к себе в комнату, и, как показывают в постоянно появляющихся телевизионных сериалах, пусть он срывает с нее все одежды и лишает невинности.

Эта стремительность развивающихся с утра непредсказуемых событий пробивалась в сознание одной навязчивой мыслью: «Так в жизни не бывает!». Юля решительно захлопнула калитку перед Романом.

– Ну, что ты опять молчишь, моя дорогая Юля! Когда мы еще с тобой встретимся?

– К вам домой я не пойду, не обижайся! Ты очень интересно рассказывал об истории Саратова. Такие неожиданные факты. И я согласна быть твоей слушательницей всегда. Но сейчас уже поздно. Встретимся завтра вечером, если ты согласен.

– Значит, завтра в 8 часов вечера у входа в Липки? Юлечка, милая, до свидания!

На кухне у открытого окна вдруг начался озноб. Это было так неожиданно, хотя ничего не болело. Сначала замерзли ступни, хотя в комнате было, как минимум, градусов тридцать тепла, потом накрыла жаркая волна, когда, закрыв глаза, вспомнила свой улет в первом поцелуе в незнакомое прежде состояние какой-то безвольно-расслабляющей нежности и бесстыдной слабости, состояние, из которого не хотелось возвращаться на грешную землю.

«Никто до сих пор не сумел дать четкое определение любви, хотя прошли века, – Юля удобно устроилась на диванчике в зале. – Но то, что произошло сегодня между мной и Романом, нельзя называть этим великим словом. Будь честна сама с собой. Слишком все невероятно быстро и показушно-театрально! Это просто сработал половой инстинкт между двумя особями противоположного пола. И хорошо, что Роман не начал раскидываться словосочетаниями „Я тебя люблю“. Честнее было бы ему сказать: „Я тебя хочу“. А тебе не кажется диким, что и ты чуть не свихнулась от его нежности? Ты посмотри, какая оказалась на деле страстная девушка! Сразу, черт знает, что возомнила в своих неземных мечтах. Ведь у всех мужчин в ходу известный лозунг Юлия Цезаря: „Пришел, увидел, победил“. Ну, поддалась бы, не устояла перед обаянием совершенно случайного парня, узнала бы ты сегодня вечером мужчину, его напор, стала бы женщиной. Потом бы каждый вечер ждала от своего господина, когда он вывернет тебя наизнанку своими поцелуями и ласками. А позже от неземного упоения сексом узнала бы в поликлинике, что у тебя беременность уже больше месяца. А вдруг потом постепенно остывающая чувственность со стороны мужчины, который в другом парке Саратова встретит другую солнечную девушку и поймет, что только ее взгляды зажигают в его сердце волнительные сполохи новой страсти? И ожидаемое в течение последующих долгих месяцев осознанное сиротство еще не родившегося ребенка. Так что, дорогая моя, придется тебе самой для себя выводить более или менее четкое определение понятия „любовь“, чтобы быть честной в своих отношениях с Романом, который тебе понравился. Но на близкое знакомство с ним потребуется время».

Юля медленными глотками выпила два бокала обжигающего чая с медом, постепенно приходя в нормальное состояние трезвого рассудка и обычной рассудительности.

В свои девятнадцать лет она была, действительно, очень самостоятельной и сдержанной в проявлении чувств.

– Тебе, дочура, нужно идти в юридический институт, – смеялась мама, – станешь опытным криминалистом или со временем дорастешь до судейского кресла. Представляю свою дочь, этакую царевну Несмеяну, которая без тени улыбки и сомнения вещает несчастному подсудимому его дальнейшую судьбу. И знакомые с опаской здороваются, боясь проронить лишнее слово. Что ты у нас такой нелюдимкой выросла? Найдется ли такой молодец, который тебя сумеет разговорить?

Чей-то беспокойный пес отчаянно облаивал в гулкой темноте затихшего города настоженные заросли соседнего переулка. Возбуждение после чая немного улеглось, но сон улетучился.

«Общительный характер Романа – несомненно, его главный плюс. Лет на пять старше меня – еще один плюс. Взаимное притяжение между нами уже присутствует. И в решительности Роману не откажешь. Явно привык командовать – наверное, единственный ребенок в городской семье. Значит, или самостоятельный и волевой, если был в отрыве от семьи в чужой стране целых пять лет, или, наоборот, подневольный маменькин сыночек. Первый вопросительный знак. Но, если я ему понравилась, значит, он, изучая, одновременно начнет, грубо говоря, меня приручать. И нужно устоять перед его сексуальной привлекательностью, чтобы понять и себя, и его мотивацию: будет ли у данной притягательной связи дальнейшее продолжение? Ведь я никого в жизни, кроме родителей, не любила, а легкие увлеченности в старших классах потухли, так и не разгоревшись. А если плюнуть на все эти заумные рассуждения, притащить его завтра в свою хибару и стать его женщиной, не думая о дальнейших последствиях? Ведь мужчины любят таких отчаянных девчонок, которым море по колено, и которые отрываются по полной без замысловатых философий, признавая власть и силу, зов крови и инстинкта. Прошепчу ему в ушко ласково в перерывах между поцелуями „Я тебя люблю!“ и все – пропал парень. Ага, прямо сейчас! Что, невольно стало от проснувшейся чувственности и женской притягательности созревшей самки? Жаль, что родители никогда не пороли в детстве самолюбленную дуру, чтобы выбить глупости из головы! Формулу любви она вывести хочет! Разложила по полочкам первые впечатления от приглянувшегося юноши и рада! А ты уверена, что вот от такого трезвого подхода может любовь зародиться? Так и останешься навсегда в одиночестве в своем мире вечного анализа и сомнений! Живи ты, как все люди, хватит философии! Распахни свою душу Роману, не боясь заранее, что он в нее наплюет».

И, утонув незаметно в сумятице своих растрепанных чувств, Юля оказалась вдруг в волшебстве яркого сна: на какой-то незнакомой даче в окружении лесного массива она медленно переходит от одного полотна роскошной клумбы к другому, тщетно пытаясь озвучить сорта неизвестных прекрасных цветов. Она чувствует их аромат, прикасается пальцами к нежным соцветиям, рвет целые охапки и тонет в очаровательном смятении от невозможной красоты.

Глава 3. Решительность

– Привет, прекрасная Юлия! Продолжим наше знакомство с городом? —спортивный вид Романа сегодня подчеркивали синяя футболка и легкие кроссовки. – Я буду тебя просвещать и одновременно приручать. Помнишь, как у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце»: «Я в ответе за всех, кого приручил». Может быть, что-нибудь новое о тебе узнаю, загадочная, немногословная принцесса. Наш путь – на Театральную площадь. Ты была в музее Радищева?

Юля молча кивнула.

– Так, понятно. Смотри, по улице Радищева мы подошли к Московской улице. Отсюда начинаются самые старые кирпичные строения города. Вот в этом доме со львом размещается администрация города Саратова. История дома тесно связана с произведением Ильфа и Петрова «12 стульев». В 1911 году дом покупает и реконструирует московский служащий Бендер. На вопрос – откуда он взял деньги на покупку, Бендер отшучивался:

«Я торгую костью слонов. Старший мой сын Андрей – ловец мух, а младший Александр из мух делает слонов, а я... а я торгую костью слонов». Представляешь, какой шутник. Советская власть вынудила Бендера бросить дом и уехать в Германию. А в 1925 году Илья Ильф приезжал в Саратов и услышал эту историю. Так у одессита Остапа появилась фамилия Бендер».

Юля рассмеялась:

– А у нас на территории социально – экономического института стоит первый памятник студенту России. Его открыли в 2001 году со словами: «...памятник станет символом веры, символом молодости, чудесной студенческой поры...» А по виду бедного студента этого не скажешь – сторбленный, согнувшийся над книгой. Студенты назвали памятник «Ночь перед экзаменом», а самого студента – Шуриком. Есть поверье, что, если потереть Шурику лоб, то обязательно получишь хорошую оценку. Начистили лоб до блеска!

Роман схватил Юлю за локоть, привлек к себе. Секунду помедлил и решительно поцеловал в щеку:

– Юля, ты, наконец-то, заговорила! На каком курсе ты учишься? – Он притянул ее за плечи к себе и крепко обнял. – Первый или второй? Значит, тебе сейчас восемнадцать или девятнадцать лет? Самый прекрасный возраст, чтобы смотреть на мир восторженными глазами. Выходи за меня замуж! Делаю тебе официальное предложение. И в воскресенье буду знакомить тебя со своими родителями. Отказа не принимаю. Моя мама тебе обязательно понравится. А мой отчим, хотя и с некоторыми странностями человек, но известный юрист, начитанный, образованный. Они с матерью уже девять лет в браке. Особых чувств ко мне никогда не проявлял, принял меня как обязательный довесок к женщине, на которой женился. Сразу после школы быстренько сплавил к знакомым в Германию на учебу. И сейчас пристроил временно на работу. В моих планах – быстрее стать финансово независимым от родителей. И завести свою семью. У нас с тобой, Юля, обязательно получится прочный брак. Я это ощущаю всем существом.

Юля высвободилась из объятия, взяла Романа под локоть:

– Роман, ты мне очень понравился, но раньше, чем через год, я не смогу дать тебе окончательный ответ. Я воспитана в такой старомодной семье, где родители просто не поймут моей несерьезной шутки, если я выскочу замуж через два дня после случайного знакомства. Решай сам, связываться с такой недотрогой или пойти своей дорогой без меня.

– Но твои родители далеко, а я рядом. Нам никто и ничто не должно помешать самим решить нашу судьбу. Будем встречаться месяц, два, три, и ты убедишься, что вдвоем нам лучше, чем по одиночке. Все, в это воскресенье я знакомлю тебя со своими родителями и ставлю их перед свершившимся фактом, чтобы потом не падали в обморок.

Юля не выдержала:

– Роман, ты со своим супер реактивным характером становишься просто опасным. Неужели нужно сразу же прыгать к тебе в кровать, чтобы ты убедился в моей неотразимости? А через детектор лжи узнать меня ты не желаешь? А что, специалист выдаст основательное заключение, стоит ли на этой девушке жениться, или есть несомненные опасения...

Роман перебил:

– Завтра придешь к нам, и тебе все сразу станет ясно: ровно через месяц, первого сентября мы с тобой поженимся. Никаких возражений я больше не принимаю.

И Юля решила на свой первый в жизни безумный шаг, рискуя оказаться дома у молодого сильного сексуального мужчины в неожиданной западне.

Воскресный пламенный рассвет сразу же захлебнулся в опустошающей жаре безжалостного солнца, когда все живое прячется под развесистые кроны измученных деревьев, в закоулки под навесами, в прохладу у водоемов и кондиционеров.

Роман терпеливо ждал ее появления за калиткой в тени разросшихся деревьев. Всю дорогу неожиданно молчал, но крепко держал Юлю под локоть. Проехали несколько остановок на маршрутке и оказались в самом центре старого города, который сохранил весь колорит дореволюционных построек.

Двухэтажный особняк, тщательно отделанный современными строительными материалами, с новой темно-бордовой крышей был отгорожен от нагромождения соседних, достаточно старых и ветхих одно – и двухэтажных строений высоким забором из металлопрофиля

Вместительный дворик с ухоженными клумбами был наполнен ароматом роскошных цветов и свежестью от струй маленького фонтана. Две старые яблони у забора были усыпаны созревающими яркими плодами. В центре двора в современной просторной деревянной беседке стоял раскладной полированный стол и легкие пластиковые стулья. В дальнем углу высилось добротное здание кирпичного гаража с подъемными воротами, а за ним теснились заросли аккуратно подвязанной малины.

Этот оазис чисто деревенской жизни прятался от зноя последнего июльского дня, от шума городской суеты и бесконечных машин, хотя отчетливо были слышны настойчивые звонки где-то близко пробежавших по своим рельсам неугомонных городских трамваев.

Мать Романа застыла на пороге дома, когда Роман, держа Юлю под руку, потянул ее решительно к роскошным зарослям благоухающих роз, шепнув:

– Когда будем уходить, я тебе букет нарежу. Колючие до невозможности, без секатора не подступишься, – Юля смущенно рассмеялась, увидев бесполезную попытку молодого человека надломить ветку с угрожающими шипами и капельку крови на пальце. – А вот моя мама!

Мать Романа, приглашая всех к столу, быстро отворачивала голову в сторону, чтобы Юля не догадалась, что ее пытаются старательно рассмотреть.

Высокая, худенькая, в открытом летнем трикотажном сарафане Ираида Алексеевна выглядела несколько изможденной, словно недавно переболела гриппом или какой-то затяжной болезнью. Хотя, как это стало модным веянием в последнее время, она, может быть, была просто жертвой пищевых голоданий или расхваленных китайских чаев для похудения. Короткая молодежная стрижка золотистых покрашенных волос очень умело скрывала обязательную седину и явно убавляла возраст, который все равно проступал в заметных морщинах на лбу, в складках у выступающего подбородка. Ей было где-то за сорок лет, и она выглядела старше своего мужа, который сразу понравился Юле.

Михаил Леонидович быстро встал от стола в беседке, когда Юля с Романом вошли во двор, решительно поцеловал, как в старинных фильмах, Юлину ручку, надолго задержав ее в своей крепкой ладони с длинными музыкальными пальцами, пока представлял свою подошедшую от дома жену и себя:

– Мы очень рады, что Роман не стал скрывать от нас такую красавицу. Не стесняйтесь, чувствуйте себя, как дома! Так уж получилось, что мы не успели отметить приезд и прошед-

ший день рождения Романа. Поэтому сегодня решили устроить небольшое застолье по этому поводу. А вы давно знакомы с Романом? – он, держа Юлю за руку, подвел ее к заставленному закусками столу, галантно усадил, сел рядом. – Единственное, что нас всех, возможно, будет смущать – это присутствие надоедливых мух. Ида, нужно срочно опустить шторы и включить вентилятор! Знаете, Юленька, нам пришлось выбирать – засилье отдельных наглых мух днем или кровососущих комаров вечером.

Юля оглянулась на Романа и увидела, что красноречие отчима и его оживленное лицо ему явно не понравились. И, дождавшись, когда мать уселась напротив сына, предложив мужу сказать тост, Роман решительно поднялся, положил ладонь на плечо Юли и выпалил:

– Спасибо, что вы решили использовать свой выходной день и вспомнили о моем прошедшем в июне дне рождения. Но сегодня есть более существенный повод: я встретил свою судьбу. Это Юля. И мы с ней поженимся ровно через месяц. Можете нас поздравить. Вот что я вам хотел сказать.

Роман налил в рюмку Юле золотистого муската, опередив отчима, примирительно улыбнулся:

– Юлечка! За тебя! Что думал, то и сказал!

Это несколько театральное выступление Романа определенно нарушило запланированное выступление отчима. Он застыл на несколько секунд с бокалом вина, откашлялся неторопливо и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Роман, с прошедшим днем рождения! Мы с твоей мамой уверены, что годы, проведенные далеко от дома, в Германии, позволят тебе не наделать необдуманных поступков, так как ты теперь повзрослел и поумнел. И, надеюсь, твои ребяческие выпады и непосредственность остались в далеком подростковом возрасте. Давайте оценим мамины старания и ее непревзойденное мастерство отличной хозяйки в приготовлении необычных блюд.

Невольное напряжение за столом чувствовалось и в многозначительных взглядах, которыми обменялись родители, и в неожиданном появлении за шелестевшими шторами с магнитными застежками очень яркой молодой женщины с малюткой на руках в нарядном дорогом платье и белой кружевной панамке. Она демонстративно обратилась к хозяину дома:

– Михаил Леонидович! Мы с Анютой идем на прогулку по городу. Надеюсь, вы не будете против? Извините, что оторвала вас от застолья! Мое присутствие здесь ведь не обязательно? Ираида Алексеевна, оставьте всю грязную посуду! Я приду и все уберу, не беспокойтесь!

Мать Романа покраснела, виновато посмотрела на мужа, но сдержалась и промолчала. Михаил Леонидович, наконец-то, сел, так и не пригубив своего вина темно-вишневого цвета из высокого фужера, кивнул женщине недовольно:

– Да, да, прогуляйтесь! Сегодня отличная погода! Только не перегрей ребенка на солнце, как в прошлый раз! И возьми обязательно коляску, Зина!

Зина резко крутанулась на высоких каблучках, показывая всем своим независимым видом недовольство и покорность одновременно. Михаил Леонидович быстро поднялся из-за стола, решительно догнал Зину у высокой калитки и что-то начал ей выговаривать, схватив за руку у локтя.

И Юлю поразило некоторое несоответствие узких покатых плеч, тонкой талии и эротически выпуклых ягодиц женщины, которые услужливо подчеркивал замысловатый фасон коротенькой синей юбочки со складочками и щегольской пряжкой далеко выше колен сзади. У любого, самого независимого мужчины, даже идущего рядом со спутницей, невольно, наврное, взгляд приклеится к этой пряжке и стройным ножкам, заставляя мозг перестроить свои волны на волшебные линии молодого тела, которые скрывала тонкая ткань, и вызвать невольную зависть к тому обладателю этими сокровищами, которого не было сейчас рядом.

Юля повернулась к Роману, спросила тихо:

– А у этой Зины есть муж? Такая сладкая женщина!

– Не знаю. Если честно, не интересовался даже. Обе жилищки держатся отчужденно, словно я нарушил их какие-то планы. Они даже перестали выходить на кухню, когда я там появляюсь. И мама стала приносить мне завтрак в мою комнату. А так я весь день на работе. Просто родители отвыкли от моего присутствия. И я чувствую себя здесь, словно в гостях.

Но тут мать одернула Романа:

– Хватит шептаться за столом, сынок! Это неприлично! Юля, а как ваши родители относятся к такому скоротечному решению связать вашу жизнь с нашим Романом? Вы с ним давно поддерживаете отношения? Он у нас такой скрытный! Но мы будем очень рады, если у вас с Ромой все очень серьезно. Хотя его убежденность меня удивила!

Юля не успела ответить. Вернувшийся к столу Михаил Леонидович решительно поднял свой бокал:

– Извините за некоторую заминку. Мне только что позвонил мой друг из Москвы. Роман, ты был очень убедителен, когда представил нам свою подругу Юлю. Но жизнь постоянно вносит свои коррективы в наши планы. Прими к сведению, что тебя уже завтра к вечеру ждут в Москве в бизнес-центре. Полугодовая стажировка по новейшим программам, проживание на съемной квартире, за которую будут платить работодатели, приличная стипендия, а после окончания – самостоятельная работа в одном из крупнейших городов страны. Мой очень хороший знакомый проговорился, что это будет, вероятнее всего, Калининград. Перспективный западный город, возможность посещения интереснейших достопримечательностей близкой Европы. По-моему, отказываться от такого уверенного и реального развития карьеры может только ограниченный человек. Согласитесь, Саратов – это периферия, с размахом заработной платы от пятнадцати до двадцати пяти тысяч рублей в месяц. Нищенское существование с семьей без особых перспектив, причем на съемной квартире, если ты, Роман, вдруг захочешь самостоятельности. Юля, поддержите меня, если я прав. Мне нужно перезвонить другу в Москву о нашем решении в течение часа.

Михаил Леонидович стоял за столом ближе всех к Юле, и она видела, как напряглись заметные на тыльной стороне ладони сероватые неровные извилины выступающих вен. Он явно нервничал. Шея и кожа в вырезе белой рубашки покраснели, стала заметна испарина на высоком лбу. И вся осанка этого достаточно высокого человека вдруг стала чем-то напоминать фигуру породистого дикого зверя, застывшего в томительном ожидании схватки с противником.

И тут встал Роман. Только синий пластиковый стул вместе с сидевшей на нем Юлей встал барьером между двумя мужчинами, на которых ей приходилось теперь смотреть снизу вверх, попеременно поворачивая голову то налево, то направо:

– Интересно узнать причину, по которой тебе так срочно нужно выпроводить меня из дома? – Роман посмотрел на отчима, потом на мать, и та сразу же вскочила, выкрикнув негромко его имя, но потом медленно опустилась на свое место. – Не нужно прикрикивать на меня, я уже не маленький. Ты же, мама, точно знаешь, почему меня хотят сослать теперь в московскую ссылку? И мое решение жениться на Юле тут совершенно не причем. Мне просто нет места рядом с вами. Мешал раньше – избавились сразу на пять лет. Только-только появился – гуд бай, Ромочка! Тебе светит такими приветливыми огнями родная столица! Ведь все – для тебя, для твоего блага! И Калининград – в качестве долгожданного подарка, а, главное, – подальше от нас! Спасибо за прием! Юля, пошли, нам тут больше делать нечего!

Отчим Романа решительно сел, поставил свой бокал на скатерть, выдохнул непримиримо:

– Благодарности я от тебя никогда не дождусь, но совесть моя будет чиста! Вот здесь, в конверте – твой расчет за работу в учебном центре. С понедельника там тебя уже не ждут. А как же, Роман пошел на повышение, у него связи в Москве! Ты пойди и расскажи мальчикам в центре, какие тебе перспективы светят. Посмотришь на их реакцию! Женитьба от тебя

никуда не денется. Получишь назначение на самостоятельную работу – подхватишь свою невесту и женись на здоровье! Юлечка! Полгода разлуки смогут внести серьезные коррективы в ваши отношения с Романом?

Юля отрицательно покачала головой. Отчим снова встал:

– Звони в аэропорт и заказывай немедленно билет до Москвы! Когда получишь направление от крупнейшего московского банка на работу в другой регион, тогда и поговорим. Да, я не хочу, чтобы ты оставался в этом доме прирученным теленком! Здесь я хозяин! А у тебя впереди – перспективы! Звони!

Роман решительно потянул Юлю из-за стола. И, чувствуя себя виноватой в происшедшей напряженной сцене всеобщего непонимания, Юля, щелкнув магнитной застежкой прозрачной занавески на импровизированной двери беседки, невольно обернулась. И вид глубоко несчастной матери Романа, ее сжатые кулачки у подбородка, словно она в испуге старалась сдержать невольный возглас ужаса или смятения, – все эта внезапная пустынность за праздничным столом, где близкие люди потерялись в непонятных подозрениях и взаимных обидах, заставили Юлю затормозить за нарядной калиткой и спросить Романа в лоб:

– А ты уверен, что прав?

– Юля, пошли к тебе! Не могу я видеть эту его довольную физиономию! Как же, все за меня решил! Благодарности моей ждал! Ни в какую Москву я не полечу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.